Неудавшийся опыт шелководства корейцев в русском и советском Приморье

Г. Н. Ким

Герман Николаевич Ким, доктор исторических наук, профессор, директор Института азиатских исследований, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби; 050060, Казахстан, Алматы, Карасай батыра, 95, каб. 459. E-mail: gerkim@mail.ru

Аннотация. В Российской империи XIX века шелководство получило развитие в ряде регионов: на Кубани, Северном Кавказе, в Ставрополье, Туркестанском крае и дальневосточном Приморье. В соседней с русским Дальним Востоком Корее оно было заимствовано из Древнего Китая, поэтому некоторые корейцы-переселенцы имели практические навыки в полном цикле шелководства — от выращивания тутовых деревьев до производства шелковой ткани. Хотя основной хозяйственной деятельностью корейских крестьян-переселенцев оставалось земледелие, имевшие опыт других традиционных промыслов продолжали ими заниматься в России. С победой большевистской власти и коллективизации сельского хозяйства шелководство превратилось в артельное (колхозное) производство. Однако ряд объективных причин — климатические условия Приморья, удаленность от центров шелкопрядения, отсутствие местной инфраструктуры для производства шелковых тканей, партийно-правительственные директивы по развитию шелководства в южных регионах страны, а также последовавшая в 1937 году депортация корейцев в Казахстан и Среднюю Азию — положили конец начатому делу. История зарождения и развития шелководства корейцев в Приморье, несмотря на неудавшийся опыт, заслуживает отдельного исследования. В статье на основе различных источников — архивных документов, опубликованных сборников материалов, публикаций в периодической печати на русском и корейском языках, а также научных трудов по истории корейцев в русском и советском Приморье — анализируются: локализация тутовых плантаций, методы шелководства, экономические аспекты производства и реализации шелководческой продукции на внутреннем и внешнем рынках сбыта. Также выявляются причины неудавшегося опыта шелководства в советском Приморье.

Ключевые слова: Приморский край, корейцы-переселенцы, артель, тутовник, шелкопряд, коконы, шелкоткачество, экспорт

EDN: JGTXSO

На Дальнем Востоке, охватывающем территории России, Китая и Кореи, шелководством занимались издревле. Выращивание шелкопрядов и производство шелка получили распространение в Корее в I–II веках до н. э. и развивались на протяжении веков. В недавнем прошлом Корея не включалась в карту маршрутов Шелкового пути, хотя она участвовала в торговом и культурном обмене на древней торговой магистрали, соединявшей Восточную и Юго-

Восточную Азию с Южной и Центральной Азией, с Восточной Африкой и Южной Европой.

Шелководство получило развитие в Корее в раннее Средневековье, когда страна находилась в зависимости от Китая. В XIX веке оно стало важной отраслью сельского хозяйства и продолжало расти после аннексии страны Японией, расширявшей производство шелка для покрытия растущих потребностей, в том числе в военной промышленности, медицине и т.д. (Kimura, 2018: 28–29). В колониальный период в Корее существенно увеличилось число крестьянских хозяйств, занятых выращиванием тутовых деревьев, листья которых служили кормом для гусениц шелкопрядов (*Bombyx mori*)[1]. Корейское шелководство велось в большей степени как семейное дело, в форме кустарного производства, служившее дополнительным источником дохода крестьянских хозяйств. Шелк использовался для изготовления традиционных тканей, таких как атлас и шелк-сатин, из которых шили праздничную одежду, церемониальные наряды и предметы домашнего обихода. Шелк был предметом роскоши, на рынках шелковые изделия служили средством обмена на другие товары, а незначительные излишки производства вывозились из Кореи. К концу XIX века ввоз недорогого текстиля и шелка из Китая и Японии вызвали затруднения в традиционной корейской шелководческой отрасли (Kim, Ha-Brookshire, 2015: 109–126).

Корейские переселенцы, прибывшие несколькими волнами иммиграции на русский Дальний Восток, в основном занимались выращиванием зерновых и овощных культур. В Приморье предприимчивые корейцы стали также высаживать тутовые деревья, взращивать шелкопрядов, разматывать вручную шелковую нить и ткать шелковое полотно. О шелководстве на русском Дальнем Востоке одним из первых упомянул штабс-капитан П. А. Гельмерсен, отметивший в своем отчете, что «следует посвятить особое внимание в Южно-Уссурийском крае, где есть дикий шелковичный червь, питающийся дубом»[2].

В очерке писателя В. В. Крестовского, побывавшего в начале 1880-х годов на Дальнем Востоке, упоминается опыт местного садовода по фамилии Ветергоф, который на собственные средства развел фруктовый рассадник из 6 тысяч деревьев и 600 экземпляров разных видов тутовника (Крестовский, 1882: 793). В конце XIX века шелководством в Приморье занялся промышленник, купец 1-й

1. *Bombyx mori* (лат.) — бабочка из домашнего тутового шелкопряда. Дикий тутовый шелкопряд обитает в северных областях Китая и на юге Приморского края России.
2. Выписка из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посьет в 1865 г.: Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 50–54об.

гильдии и общественный деятель А. Д. Старцев, завезший в 1897 году из Китая партию куколок тутового шелкопряда, из которых образовались коконы, послужившие сырьем для шелковых нитей. На Промышленной выставке в Хабаровске в 1913 году он удостоился за этот успешный опыт Бронзовой медали Комитета шелководства Москвы (Старцев, 2006).

Шелководство корейских переселенцев Приморья привлекло внимание местных краеведов, чиновников и предпринимателей и, как следствие, о нем появились публикации в дальневосточных газетах и журналах, а также статистических сборниках, но они были краткими и однообразными по содержанию. В числе авторов, упоминавших шелководство корейцев на Дальнем Востоке, следует назвать краеведа А. В. Кириллова (Кириллов, 1894), генерала от инфантерии, краеведа И. П. Надарова (Надаров, 1887). Особо следует отметить Приамурского генерал-губернатора Л. Н. Гондатти (1911–1917), который ранее изучал шелководство и совершил поездки в Китай, Японию, Среднюю Азию. В 1886 году он был избран секретарем Комитета шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства и занимал эту должность до середины 1893 года (Дубинина, 1997).

Найти обобщенные сведения о шелководстве в Приморье дореволюционного периода крайне затруднительно из-за отсутствия документальных источников и публикаций. Однако осенью 1916 года в журнале «Приморский хозяин» вышел обстоятельный многостраничный отчет заведующего Славянским лесничеством Теодора Л. Гродецкого об опыте посадки тутовых деревьев, выкормке шелководческого червя, доставке и распределении европейской и японской грены по деревням и селам, преимущественно по корейским: Барабаш, Славянка, Адими, Краббе, Посьет, Новокиевка, Янчихе и Тизинхе[3].

Первые публикации о хозяйственной и культурной жизни корейского населения в советском Приморье стали регулярно выходить в первой половине 1920-х годов в корейскоязычной периодической печати Дальнего Востока, в первую очередь в ежедневной газете «Сенбон» (선봉, «Авангард»). Очерки, интервью и заметки о шелководстве в Приморье и корейцах, занятых выращиванием тутовых деревьев и разведением шелкопрядов, эпизодически печатались в краевых газетах, таких как «Тихоокеанская звезда», «Красное знамя», а также журналах «Революция и национальности», «Советское Приморье», «Приморский хозяин» и др. Газетно-

3. *Городецкий Т.* (1916). Опыт посадки тутовых деревьев и выкормки шелководческого червя в районе Славянского лесничества в 1916 году // Приморский хозяин. № 10. С. 13–21.

журнальные статьи характеризовались описательностью и повторением известных фактов[4].

Ценные сведения содержатся в публикации Т. П. Гордеева, основанной на личных наблюдениях и данных, собранных им во время поездки в корейское село Синеловку в 1915 году (Гордеев, 1923: 232–240). В 1926 году в журнале «Советское Приморье» вышла статья А. Д. Лелякова о состоянии и перспективах развития шелководства в Приморье, содержание которой в основном заимствовано из очерка Т. П. Гордеева, причем без ссылки на этот труд (Лелянков, 1926: 46–47). Упоминания о занятии корейцев шелководством содержатся в работах авторов 1920–1930-х годов (Аносов, 1928: 54–65; Выпасов, 1929; Али Закир, 1931; Петров, 1929; Тен, 1935).

После длительного перерыва, вызванного депортацией корейцев и наложенным табу на исторические исследования «неблагонадежных» в оценках сталинского режима народов, в хрущевскую оттепель вышла в свет 250-страничная книга Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев», в которой шелководству посвящалось чуть более двух страниц (Ким Сын Хва, 1965: 185–188).

С конца 1980-х годов по настоящее время в России вышли в свет книги историков А. И. Петрова, Н. Ф. Бугая, С. Г. Нам, Ж. Г. Сон (Петров, 2001; Бугай, 2007; Нам, 1998; Сон, 2013) и других авторов, в которых шелководство лишь упоминалось как один из дополнительных промыслов корейцев советского Приморья, либо вообще не упоминалось. Б. Д. Пак преодолел в своей монографии характерное для книг по общей истории корейцев России и СССР тиражирование известных фактов касательно корейского опыта выращивания тутовых деревьев и разведения шелкопрядов в Приморье, уделив, однако, шелководству неполные три страницы (Пак, 1995: 201–203). За последнее десятилетие опубликованы десятки статей по истории корейцев на советском Дальнем Востоке, однако ни одна из них не содержала в своем названии слово «шелководство».

Хотя монография «Корея — российское Приморье. Путь к взаимопониманию», изданная известным ученым-краеведом Н. Г. Мизь в соавторстве с политологом А. А. Бреславцем, не содержит отдельной главы, но в ней история шелководства корейцев Приморья получила наибольшее на сегодняшний день освещение (Мизь, Бреславец, 2009). В вышедшей через четыре года во Владивостоке книге В. Пака (Пак, 2013) повторяются сведения, содержащиеся в вышеупомянутой монографии.

Данная статья представляет собой дебют научной публикации, специально посвященной теме шелководства корейцев в русском и советском Приморье. Особое значение для нас в теоретическом и методологическом плане имели труды ученых, внесших вклад в понимание сложных взаимосвязей между этническими куль-

4. Вырезки из «русских газет» 1921–1930 годов см.: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7986. Оп. 1. Д. 104, 105, 106.

турными практиками и сельскохозяйственными системами. Один из признанных экспертов Эдда Л. Филдс-Блэк презентовала в своей монографии уникальное сочетание междисциплинарных источников и методов для хроники развития технологии выращивания риса в Западной Африке и западноафриканской диаспоры американских штатов Южная Каролина и Джорджия. Историческая реконструкция Филдс-Блэк рисоводства в доколониальной Африке резко контрастирует с предыдущими публикациями американских африканистов о вкладе выходцев из Западной Африки в развитие рисоводства в южных штатах Америки (Fields-Black, 2014). Рефухио И. Рочин, профессор в области аграрной экономики, приобрел известность своими исследованиями латиноамериканских этнических общин и их вклада в сельское хозяйство (Rochin and Valdés, 2000). Эколого-экономические и этнокультурные детерминанты развития разных отраслей сельского хозяйства продолжают привлекать внимание исследователей всех регионов планеты. Так, один из коллективных научных трудов посвящен изучению использования этническим меньшинством «яо» традиционных знаний для адаптации сельского хозяйства в горных районах Вьетнама (Son, Chi, Kingsbur, 2019).

В статье использовались разнообразные источники: документы из российских архивов, материалы статистических сборников, справочников по сельскому хозяйству Дальнего Востока, публикации в газетах и журналах Приморья, а также в периодической печати на корейском языке. Часть сведений подчерпнута из статей и очерков краеведов, журналистов и ученых, изучавших историю советских корейцев на Дальнем Востоке.

Краткий контекст исследования

Массовое переселение корейцев на российский Дальний Восток началось в первой половине 1860-х годов, продолжалось волнообразной иммиграцией и постоянным просачиванием малых групп переселенцев через неплотные границы в треугольнике Россия — Корея — Китай до конца 1920-х годов, когда советское правительство ввело запрет несанкционированных выездов и въездов в страну. В первые десятилетия корейские переселенцы, проживавшие в Приморье в образованных ими поселениях (хуторах, деревнях и селах), сохраняли традиционные отношения в семье и общине, следовали своим обычаям и обрядам, говорили на родном языке. Несмотря на все попытки сдерживания эмиграции из Кореи и иммиграции в Россию, численность корейцев на русском Дальнем Востоке постоянно росла и составила в канун большевистской революции около 100 тысяч человек, из которых более 80 тысяч пустили корни в Приморье, а остальные — в Приамурье, Забайкалье, на Камчатке и Сахалине (Петров, 2000; Петров, 2004).

Октябрьская революция провозгласила лозунги справедливости, свободы и равенства всех народов. Корейцы с оружием в руках боролись за установление большевистской власти, ибо эта борьба слилась воедино с антияпонским освободительным движением. Безземельные и бесправные корейские крестьяне, вынужденные на кабальных условиях арендовать пашенные и целинные земли, стали объединяться в ТОЗы, артели, коммуны и колхозы. Неслучайно Посьетский район, известный как «корейский», стал одним из первых районов сплошной коллективизации. В 1930-х годах дальневосточные корейцы представляли собой сложившуюся, со своими устоями, традициями общность людей. На Дальнем Востоке действовали десятки корейских земледельческих и рыболовецких колхозов. Корейцы принимали самое активное участие в экономической и общественной жизни Дальневосточного края. В советском Приморье бурно развивалась национальная культура корейцев, формировалась национальная интеллигенция, на корейском языке выходили газеты, журналы, действовали корейское издательство, радиовещание, театр, педагогический институт, корейские отделения в вузах, педагогические училища, техникумы, культурно-просветительные учреждения (Пак, 1995: 216–223). Однако дальневосточные корейцы стали первыми из народов Советского Союза, испытавших на себе тотальную и форсированную депортацию по этническому признаку, после которой последовали насильственные переселения многих других этнических групп. Около 175 тысяч депортированных корейцев не по своей воле оказались в Казахской и Узбекской ССР (Бугай, 2014: 116–139). На новом месте они ценой неимоверных усилий заложили фундамент будущей жизни и внесли заметный вклад в развитие экономики, культуры, образования, науки и спорта Советского Союза.

Зарождение шелководства в корейском селе Синельниково

В истории шелководства в Приморье конца XIX века ключевое место занимает корейское село Синельниково, располагавшееся по обоим берегам р. Суйфун. Годом его образования одни считают 1868-й, а другие 1870 год. Название села пишется в архивных документах по-разному: Синельниково или Синеловка, однако они имеют одинаковое происхождение от фамилии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова (1870–1874), которому принадлежала инициатива расселять корейских переселенцев подальше от границы среди русских населенных пунктов.

В 1878 году чиновник особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири В. Висленев обследовал село и дал его описание. По его наблюдениям, оно имело протяженность по долине реки около 10 километров и состояло из 92 дворов (фанз) общей численностью 404 человека, в том числе 247 мужского пола, 157 жен-

ского пола, из общего числа сельчан-корейцев 28 человек были крещенными в православии (Висленев, 1884: 7–18). Со временем Синельниково превратилось в одно из самых зажиточных корейских сел и в 1899 году в нем проживали 163 корейские семьи. Основным занятием сельчан-корейцев было земледелие, а дополнительный заработок давал лов рыбы в р. Суйфун (Ким, 2022: 251–255).

Начало шелководного промысла в Приморье в новом XX веке связывают с именем Ивана Ана (Анси) из села Синельниково, пересадившего на свой участок выросшие самосевом сеянцы дикой шелковицы. Затем он устроил на одной десятине (1,09 га) своей земли первую плантацию тутовых деревьев, выращенных из семян, привезенных из Кореи. Ему удалось получить завезенную из Кореи партию яиц бабочки тутового шелкопряда, из которых вывелись гусеницы, давшие после окукливания шелковые коконы. В 1908 году Иван Ан впервые в крае получил около 30 фунтов (12 кг) коконов и 6 пудов (98 кг) шелка. Через семь лет у него была плантация из 440 тутовых деревьев, саженцы, растущие на грядках, большое помещение, в котором размещались шелководня, морильня, шелкомотальня, прядильня с ткацким станком (Мизь, Бреславец, 2009: 32).

Постановка шелководного дела у И. Ана и у других жителей села Синеловки описывается в очерке Т. П. Гордеева, наблюдавшего в течение ряда лет за шелководным производством и проявившего активное содействие распространению шелководства в крае: «В хозяйстве у И. И. Ана получают ткани различной ширины — в 33,5 см или 64 см, причем могут быть выработаны ткани 8 узоров. Цветные нитки получают окрашиванием их фуксином с содой в разные цвета. Для получения 50–60 аршин (1 аршин равен 71,1 см) ткани нужно 8–9 рабочих часов. Работают по шелководству главным образом старики и дети, получая плату натурой в виде кусков шелка на юбку, шаровары и т.д. Полученный материал идет на домашние надобности и в продажу не поступает. Стоимость одного аршина самодельной ткани И. И. Ан оценил в 1915 г. от 20 коп. Отбросы от размотки коконов дают шелковую вату; ее варят с содой и употребляют как обычную вату, например, для одеял» (Гордеев, 1923: 232–240).

Одновременно с И. Аном шелководством в Синеловке занимались еще несколько корейских хозяйств. С. И. Цой, односельчанин Ана, имел плантацию из 100 молодых тутовых деревьев, однако не мог расширить посадки из-за невозможности приобрести дополнительный земельный участок. Через пять лет с начала занятия шелководством он получил материал на изготовление 300–350 аршин материи, а в 1919 году на 100 аршин материи. Другой синеловец И. М. Пак через четыре года занятия шелководством имел плантацию из 50 старых и 20 молодых тутовых деревьев. В 1917 году он произвел материал на 100–150 аршин шелка, в 1919 году — только на 20 аршин (Мизь, Бреславец, 2009: 33–34). Причиной сокра-

щения объемов полученного всеми корейскими шелководами материала для производства шелковой ткани между 1917 и 1919 годом была неблагоприятная погода.

Примечательно, что все упомянутые корейцы — жители села Синельниково имели русские имена и отчества, что не характерно для большинства корейских крестьян-переселенцев Приморья конца XIX — начала XX века. Эти изменения в традиционной антропонимической модели корейцев свидетельствуют о длительности и интенсивности общения жителей села с русскими, владении русским языком и принятии православной религии (Джарылгасинова, 1980). Можно говорить о том, что на Дальнем Востоке возникла своеобразная «контактная зона» (contact zone) — концепция, презентованная лингвистом Мэри Луиз Пратт изначально для обозначения обширных географических пространств, где культуры встречаются, сталкиваются, борются друг с другом и взаимообогащаются (Pratt, 1991: 33–40), но позднее это понятие стало толковаться расширительно. Русское и советское Приморье, в особенности Посьетский и другие районы с высокой долей корейского населения, следует рассматривать как «локальную контактную зону», в которой русские, корейцы, китайцы, казачество, староверы и другие этнические и социальные группы контактировали между собой в разных сферах хозяйственной и культурной жизни. Возникшая коммуникация содействовала обмену трудовыми навыками и опытом хозяйственной деятельности, возникновению доверия и вела к взаимной выгоде от установленных отношений.

В отчете заведующего Славянским лесничеством Т. Л. Градецкого упоминаются еще другие корейцы-шелководы, к примеру, крестьянин деревни Янчихе Николай Пак, которому Новокиевское сельскохозяйственное общество выделило грену, выписанную из Европы. Именно у него и служащего почтово-телеграфной конторы в Славянке по фамилии Ляш грена прошла успешную метаморфозу, ибо оказалась у людей, знакомых с этим делом. К тому же было достаточно сырья для корма, так как поблизости от села сохранились старые посадки тутовника. Результаты выкормки европейской грены в корейских деревнях оказались сравнительно высокими, к примеру, в хозяйстве Николая Пака выход коконов на один кг составил 1140 штук, в то время как нормальным считался выход коконов от 400 до 700 шт. на килограмм[5].

Большевистская власть придавала важное значение шелководческой отрасли, о чем свидетельствует Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 29 апреля 1921 года «О восстановлении

5. *Городецкий Т.* (1916). Опыт посадки тутовых деревьев и выкормки шелководческого червя в районе Славянского лесничества в 1916 году // Приморский хозяин. № 10. С. 17–18.

и развитии шелководства в РСФСР»[6]. В нем говорилось о необходимости разработки специальной производственной программы, включающей в себя сохранение и расширение площади тутовых насаждений и воссоздание сети шелководческих станций для научно-опытных исследований и обучения навыкам и умениям по шелководству местного населения. Предлагалось разработать и внести в Совет народных комиссаров проект Положения о натурналоге на шелковичные коконы и разработать принципы товарообмена с хозяевами-шелководами. Предписывалось обязать Народный комиссариат просвещения по соглашению с Народным комиссариатом земледелия организовать кафедры по шелководству при высших учебных заведениях, распространять знания и умения по этой отрасли как посредством единой трудовой школы, так и внешкольным путем[7]. Хотя Приморье в момент принятия Постановления находилось под контролем Дальневосточной республики (1920–1922) и формально не входило в состав РСФСР, его влияние на шелководство в регионе осуществлялось через политическое, административное и экономическое взаимодействие между ДВР и Москвой. Дальневосточная республика, созданная временно как буферное пространство между Россией и Японией, фактически находилась под контролем Москвы и действовала в тесной координации с советской властью (Саблин, 2020).

Результаты занятия шелководством корейских жителей с. Синельниково обозначили перспективы того, что Приморье может стать районом шелковой отрасли, так как природно-климатические условия подходили для тутовых деревьев (шелковицы), причем как дикорастущих, так и выращиваемых на плантациях. Климат оказался не самым благоприятным, но позволял разведение шелкопрядов.

Важное значение в развитии новой отрасли имели научные изыскания, опытная и селекционная работа, создание методических пособий по распространению корейского опыта шелководного дела. Этим и другими вопросами изучения шелководства занималось основанное в 1916 году Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества (ЮУО РГО). В 1917 году в хозяйство известного шелковода И. Ана руководство ЮУО РГО направило сотрудницу М. Т. Иванову, чтобы она в течение сезона наблюдала и вела полевой дневник. На основании записей Ивановой были подготовлены методические рекомендации для практического занятия шелководством. Она также собрала образцы материалов для изготовления школьных наглядных коллекций. Позже сотрудники ЮУО РГО подготовили 400 экземпляров коллекций и распределили их по школам, где предполагалось устройство тутовых плантаций.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18473. Л. 1.
7. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18473. Л. 2.

Для изучения возможностей расширения шелководства в 1918 году ЮУО РГО обустроило собственную плантацию тутовых деревьев (*Morus alba L.*), а через год под руководством ботаника Е. Н. Клобуковой-Алисовой начались практические опыты выкормки шелковичных червей и получения коконов. От Ивана Ана были получены семена шелковицы, которые высеяли на опытных участках отделения. Семена взошли, сеянцы пережили зиму и весной следующего, 1921 года были пересажены в питомнике. В 1924 году сотрудники Отделения, изучившие местный корейский опыт выращивания шелковицы, получили около 300 тыс. штук грены (Коляда, 2012: 63–64). В результате проведенной работы в 1928 году при ЮУО РГО была создана Дальневосточная краевая опытная шелководная станция, деятельность которой представлена в отчете ее основателя А. З. Федорова, ранее обнаружившего при археологических раскопках свидетельства занятия шелководством древних насельников Приморья в VII веке (Фисенко, 2014: 140). В 1930 году шелководческая опытная станция получила статус зональной, при ней росли 2 тыс. тутовых деревьев восьмилетнего возраста. Для изучения менеджмента производства шелка А. З. Федоров совершил поездку в Азербайджан, Грузию, Дагестан, Астраханскую область. По результатам ознакомительного тура по регионам шелководства было подготовлено методическое пособие по выкормке шелкопрядов (Федоров, 1932). Однако с реорганизацией ЮУО РГО шелководная станция прекратила свою деятельность, а сам А. З. Федоров был заключен в Хабаровскую тюрьму, но позже его освободили из-за недоказанности обвинения[8].

Ранее, в 1929 году, между ЮУО РГО, Государственной импортно-экспортной конторой Госторга РСФСР и Приморским союзом сельскохозяйственных и кредитных кооперативов был составлен проект договора о совместной работе по развитию шелководного дела, который так и не был подписан сторонами. Но именно в этом году в двенадцати колхозах были созданы шелководные отделы, плантации шелковицы и выстроены червоводни[9].

Шелководческие артели и колхозы

В результате продвижения властями шелководческого дела в Приморье к весне 1926 года насчитывалось около 200 семей, вовлеченных в зарождающуюся новую отрасль сельского хозяйства. Кроме шелководов-частников возникли восемь шелководческих артелей,

8. Федоров Александр Зиновьевич (1886–1945). Воспоминания о ГУЛАГе / Электронный ресурс. URL: https://vgulage.name/authors/fedorov-aleksandr-zinovevich/ (дата обращения: 09.07. 2025).
9. 선봉 [Газета «Сенбон» («Авангард») — орган печати Приморского комитета РКП(б)]. 1930. 27 апреля. С. 3.

из которых наиболее крупными были «Ханбалайская» (недалеко от Никольска-Уссурийского) и «Красный Восток» (бухта Гайдамак). При этих артелях для желающих заняться шелководством организовали практические курсы[10].

Шелководческая артель «Красный Восток», образованная в 1925 году, состояла исключительно из корейцев. Члены артели трудились на общих основаниях и оплата распределялась в натуральной форме. За время своего существования (1925–1928) артель распространила в Приморье свыше 260 тыс. тутовых деревьев в качестве плантационного материала. Из них 15 тыс. штук были отправлены в г. Благовещенск садовой кооперации «Опыт». В 1928 году артель дала 1,6 тонны сырых коконов. С помощью артели «Красный Восток» Никольск-Уссурийский окружком ВКП(б) провел полуторамесячные курсы по шелководству, издал методическое руководство для распространения среди корейского населения. Исходя из спроса и потребности среди корейских сельчан, артель «Красный Восток» открыла дополнительно постоянные курсы по шелководству на 20 человек, которые предполагалось расширить до 80 учащихся. Однако возможности оказались ограниченными, так как не хватало инструкторов, способных провести обучающие курсы и обеспечить население необходимыми знаниями и навыками (Ким Сын Хва, 1965: 187). В соответствии с текущими экономическими и политическими задачами артель «Красный Восток» стала частью более масштабной программы развития шелководства в Приморье. На пути к расширению артели возникло препятствие — нехватка земли, но краевое земельное управление не выделило необходимую площадь сельхозугодий. Несмотря на проблемы, артель показала, что шелководство может стать доходной отраслью экономики края. В 1928 году каждый гектар плантации с тутовыми деревьями четвертого года посадки давал 1000–1500 руб. прибыли[11].

В 1925–1926 годах Владивостокское земельное управление совместно с шелководческими артелями ввезло из Кореи более миллиона саженцев шелковицы, которые распределили по шелководным хозяйствам. Небольшие, в 500–1000 деревьев, плантации шелковицы закладывались при школах, крестьянских комитетах, женотделах, других общественных организациях[12].

В книге «Корейцы в Уссурийском крае» С. Аносов пишет, что в 1925 году в Приморье были заложены плантации шелковицы в 15 корейских селениях общим числом 3 тыс. тутовых саженцев. Организовано две шелководных артели в Никольск-Уссурийском уезде

10. Доклад уполномоченного по корейским делам при Владивостокском окружном земельном управлении Хван Шектая о шелководственном курсе во Владивостоке. 23 июня 1927: РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 940. Л. 17–19.
11. 선봉. 1928. 22 сентября. С. 4.
12. РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–6.

в 75 000 тутовых деревьев и Владивостокском уезде — в 1000 тутовых саженцев. Шелководной артелью «Красный Восток», организованной в 1926 году, заложен шелководный питомник из более чем 100 тыс. тутовых саженцев (Аносов, 1928: 38–39).

В июле 1926 года во Владивостокской газете «Красное знамя» вышло интервью с инструктором по шелководству А. Леляковым, в котором отмечалось, что шелководству в Приморье, начавшемуся в корейском селе Синельниково, уже более 20 лет. По его словам, в 1926 году шелководством занимались 12 артелей с более чем с 10-летним стажем и около 85 хозяйств с меньшим опытом шелководческого дела, ставшим самой доходной отраслью сельского хозяйства[13].

В своей статье в журнале «Советское Приморье» А. Леляков привел в качестве доказательства своих слов расчеты: «На один гектар высаживается от 900 до 1200 штамбовых деревьев тутовника. Таким образом, доход с плантации с гектара будет идти в таком порядке: 1-й год — 50–70 руб., 2-й год — 200–250 руб., 3-й год — 400–500 руб., 4-й год — 700–800 руб. и 5-й год около 1000 руб. Средняя же продолжительность возраста дерева, когда оно дает максимум кормового материала, исчисляется в 12–15 лет. Что в среднем на гектар плантации дает доход в 12–15 тысяч рублей за этот период. Это расчет при штамбовой посадке дерева, которая практиковалась населением до настоящего времени. Теперь идет закладка плантации кустарниковым деревом, которое дает процентов на 20 большую доходность и при сборе листьев требует меньше труда. Кроме того, вся плантация тутового дерева может использоваться под посев других культур. Пример показала корейская Ханбалалайская шелководная артель в Суйфунском районе, где земля между рядами тутовых деревьев использовалась для выращивания бобов или сои»[14].

В газете «선봉» («Сенбон») публиковались новости из основных шелководных районов: Посьетского, Покровского, Суйфунского, Сучанского и Шкотовского. Из них следовало, что корейские колхозники охотно занимались разведением шелкопрядов[15]. В каждом районе насчитывалось от 2 до 5 кооперативных шелководческих артелей, и все они были по национальному составу корейскими. Всего в крае было около 20 корейских шелководных кооперативов, которые имели около 2 млн саженцев тутовых деревьев[16]. Шелковые коконы, полученные в этих хозяйствах, превосходили нормы ка-

13. *Полтавский Н.* (1926). Шелководство в Приморье. Беседа с инструктором по шелководству т. Леляковым // Красное знамя. 3 июля. С. 4.
14. *Леляков А.* (1926). Будущность шелководства в Приморье // Советское Приморье. Владивосток. № 7–8. С. 48.
15. 선봉. 1927. 14 сентября. С. 3.
16. 선봉. 1928. 24 января. С. 3.

чества по прочности, эластичности, равномерности толщины нити и блеску шелковины[17].

На основе опыта артели «Красный Восток» Владивостокское окружное земельное управление (ОКРЗУ) провело практические мероприятия по внедрению шелководства среди корейских крестьян с упором на коллективные хозяйства. Согласно принятому ОКРЗУ решению, на примере артели «Красный Восток» планировалась активная пропаганда выгодности шелководства. Для ускорения сбыта коконов шелководческих хозяйств предусматривалось создание сезонных приемочных пунктов на местах и стационарного пункта во Владивостоке[18].

Эти мероприятия содействовали росту среди корейского населения интереса к новому промыслу и послужили толчком для развития шелководства в крае, о чем говорят статистические данные. В 1929 году на Дальнем Востоке производили выкорм шелкопряда всего 100 хозяйств, получая со своих плантаций 3,9 тонны листа, а в 1933 году число хозяйств выросло до 10 200, а сбор ими листа до 1 305,5 тонны. В результате только по Владивостокскому округу в 1930 году получено до 820 тыс. тонн сырых коконов, или 280 тонн сухих коконов свыше чем на миллион рублей[19].

Корейские сельские труженики Приморья сыграли значительную роль в общем процессе коллективизации сельского хозяйства региона. Высокие показатели объединения безземельных корейских крестьян в артели увеличили проценты коллективированных хозяйств в Дальневосточном крае. Создание артелей и колхозов и их развитие способствовали интеграции корейцев в социалистическую экономику, ускорили процессы советизации корейского населения, усвоения русского языка и культуры.

Провал шелководства в Приморье и его причины

Организованному неимоверными усилиями и вполне рентабельному шелководству не суждено было стать системообразующей и доходной отраслью сельского хозяйства в Приморье. Для производства шелковых тканей с высокой добавленной стоимостью, приносящих доход, требовалось запланировать, выделить средства и организовать весь цикл: от создания тутовых плантаций, выращивания грены, сбора коконов до прядения нитей и изготовления шелкового полотна. Однако в 1927 году Плановое управление Дальневосточного округа приняло решение о нецелесообразности выработки конечной шелковой продукции в Приморье и ограничило шелководство отправкой коконов для российских фабрик шелкоткачества и для

17. 선봉. 1930. 30 мая. С. 3.
18. 선봉. 1930. 30 мая. С. 3.
19. РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–6.

экспорта. С 1928 года весь сбор сухих коконов Приморья был передан Шелкотресту СССР[20]. Во Владивостоке и Уссурийске создали заготовительные пункты, которые отправляли коконы по железной дороге на московские шелкомотальные и ткацкие фабрики. Транспортировка легковесных и объемных коконов через всю страну за счет поставщика сделала приморское шелководство убыточным.

Сбыт шелковичной продукции Приморья имел две опции: первая — продажа коконами, вторая — в виде готовой шелковой материи или изделий из шелковой ткани. При первом варианте шелководство Приморья оказывалось в зависимости от Шелкотреста, установившего цены за коконы на 50–80% ниже, чем предлагали японские компании. Что касается второго варианта, то вопрос строительства небольшой шелкоразмоточной и ткацкой фабрики, который поднимался в Приморье в конце 1920-х годов, так и не был решен.

Сдерживание развития и прекращение шелководства в Приморье имело этнический аспект, так как им занималось преимущественно корейское население, а русское только начало втягиваться в отрасль, когда решение о бесперспективности ее развития в ДВК было уже принято в Москве. Как известно, корейские артели, кооперативы и колхозы подвергались дискриминации как национальные коллективные хозяйства. Они обеспечивались в последнюю очередь необходимой техникой и оборудованием, им сложнее выдавались сельскохозяйственные кредиты и дополнительные наделы земли, необходимые для наращивания производства. В итоге корейские артели и колхозы оставались мелкими и маломощными (Али Закир, 1931: 2–3, 76–81). О шовинизме как причине, тормозящей развитие производства в корейских колхозах, и необходимости бороться с ним постоянно публиковались очерки в краевых газетах. Об этом говорилось также на краевом совещании в г. Никольск-Уссурийске, в котором приняли участие 67 делегатов из 56 корейских колхозов[21].

В преддверии совещания Елена Цой, председатель сельсовета и секретарь партячейки колхоза «Посьет», рассказала о насущных проблемах корейского села. В заключение она отметила: «... еще в прошлом году [1929] делегатское собрание приобрело до 300 тутовых деревьев. Это дело надо бы расширить — для колхоза это было бы очень хорошо. Но никто не содействует, а наши женщины сильно заинтересованы и могли бы поставить дело. Надо только кого-нибудь послать на курсы поучиться»[22].

---

20. Устав Государственного треста шелковых фабрик — «Шелкотрест» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1928 г. № 25. Отдел 2. С. 743–749.
21. Корейская деревня идет в колхозы. Краевое совещание корейских колхозов // Тихоокеанская звезда. 1930. 7 августа. С. 3.
22. Развить шелководство. Беседа с тов. Еленой Цой // Тихоокеанская звезда. 1930. 26 мая. С. 3.

Одной из проблем в развитии шелководства являлось кустарничество в выработке шелковой ткани, качество которой уступало тканям, поступавшим контрабандой. Из коконов, полученных в Приморье, на японских фабриках изготавливали шелковые нити и ткани высшего качества, в то время как местное кустарное производство вырабатывало грубую ткань. Размотка коконов кустарным способом давала не более 30–40% шелковых нитей, готовых для изготовления ткани, а большая часть уходила на вату. Оболочка кокона не распушалась из-за отсутствия специальных машин, а сжигалась или утилизировалась и, таким образом, около 60% коконов уходили по бросовой цене или вовсе пропадали, что резко снижало рентабельность шелководства в целом[23].

Вывоз шелковых коконов из Приморья в 1920–1930-е годы был частью общесоюзной программы по развитию текстильной промышленности. Приморье, благодаря благоприятному климату для выращивания тутовника и разведению шелкопряда, производило коконы, которые затем направлялись на переработку на крупные шелковые фабрики в Москве («Трехгорная мануфактура») и в Иванове. Вывоз коконов был частью стратегии индустриализации, поскольку шелк считался важным материалом для производства тканей, одежды и парашютов. Приморье обеспечивало сырье для этой отрасли, несмотря на относительно небольшие объемы производства.

Дальневосточные власти строили планы оборудовать в бывших казармах и других зданиях Владивостока шелкомотальное производство, которое принесло бы не только дополнительные доходы в краевую казну, но и содействовало развитию отрасли, созданию рабочих мест в крае и локализацию продукции с большей добавленной стоимостью. Этим планам не суждено было осуществиться. О другом проекте, в Черниговском районе, где действовал корейский колхоз «Интернационал», в краевой газете сообщалось, что на запланированную шелководную станцию были отведены 600 га земли и значительные денежные средства, но администрация не использовала их на строительство, а нанятые рабочие разбежались[24].

Все планы по развернутому развитию шелководства в крае не нашли поддержки в Москве, так как развитие отрасли предусматривалось в других, более благоприятных регионах. В результате нерешенных проблем к середине 1930-х годов вывоз шелковых коконов из Приморья стал сокращаться из-за высокой себестоимости производства и конкуренции с другими регионами СССР, такими как Северный Кавказ и Средняя Азия, где производство шелка было более рентабельным.

---

23. Доклады о состоянии шелководства и кокономотания на территории Союза ССР и перспективах развития шелковой промышленности: РГАЭ. Ф. 7986. Оп. 1. Д. 102.
24. Строительство шелководной станции задерживается // Тихоокеанская звезда. 1934. 16 августа. С. 3.

ИСТОРИЯ

Подъем и падение производства шелка корейцами на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах представляет интригующую главу в истории советского сельского хозяйства и национальной политики. Она отражает пересечение усилий корейской диаспоры, советской экономической политики, внешней политики и социальной среды того времени.

Со второй половины XIX века до 1920-х годов значительное количество корейцев мигрировало на российский Дальний Восток в поисках новых возможностей и спасаясь от эксплуатации и дискриминации японского колониального режима в Корее. В основной массе переселенцы-корейцы являлись безземельными крестьянами, но обладавшими сельскохозяйственными навыками, включая шелководство. Большевистская власть стремилась развивать дальневосточные территории и видела в корейцах ценный ресурс для развития аграрного сектора. Производство шелка соответствовало советским планам по диверсификации экономики и развитию легкой промышленности.

Корейцы внедрили и расширили шелководство в регионе, воспользовавшись относительно благоприятным климатом для выращивания шелковицы, которая необходима для шелкопрядов. В 1920-х годах советское правительство оказывало поддержку, включая выделение земли, ресурсов и ограниченную техническую помощь, для поощрения производства шелка. Шелководство рассматривалось как потенциальный экспортный товар, который мог бы способствовать советской самодостаточности. К концу 1920-х годов шелководство стало развиваться, и корейские сельчане стали ведущей группой в этой сельскохозяйственной нише. Эта отрасль давала средства к существованию многим корейским семьям и способствовала росту местной экономики.

В 1930-х годах сталинская политика централизации и коллективизация сельского хозяйства нарушили традиционные методы, которые создали успех шелководству. Сталинский режим относился со все большим подозрением к этническим меньшинствам, особенно корейцам, из-за опасений их потенциальной лояльности Японии. В 1937 году все корейское население Дальнего Востока было принудительно выселено в Среднюю Азию. Депортация по этническому признаку практически в одночасье положила конец корейскому производству шелка в регионе.

Таким образом, шелководство как отрасль хозяйства так и не нашло должного развития в Приморье. Причины неудачи неоднозначны, поскольку они касаются планов, исходивших из Москвы, и их претворения на местах, взаимодействия корейских шелководов и разных ведомств, причастных к развитию отрасли. Сказывались и особенности природно-климатических условий, и дефицит выделяемой под плантации тутовника благоприятной земли, и отсутствие инфраструктуры для размотки коконов, изготовления шелковых нитей и тканей, а также прекращение экспорта коконов из Приморья в связи с ухудшением отношений с милитаристской

Японией. Безусловно, сказалась депортация корейцев — основных шелководов края в Казахстан и Среднюю Азии и выбор регионов перспективного развития отрасли в южных областях России, на Кавказе, Туркмении, Таджикистане, а также создание мощностей для шелкопрядения в местах, удаленных от Приморья.

Библиография

Али Закир (1931). За ленинскую национальную политику в колхозном движении среди корейцев Дальнего Востока // Революция и национальности. № 2–3. С. 76–81.

Аносов С. Д. (1928). Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело.

Бугай Н. Ф. (2014). Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспективы. М.: РАН.

Висленев В. Н. (1884). Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края Приморской области // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV: Инородческое население Приамурского края. Вып. 2. Иркутск.

Выпасов А. (1929). Корейцы в сельском хозяйстве Хабаровского края // Статобозрение «Дальний Восток». Хабаровск. № 2. С. 37–41.

Гордеев Т. П. (1923). Краткий очерк шелководства в с. Синеловке Приморской губернии // Приморье: Его природа и хозяйство. Сборник статей, составленный Научно-просветительской секцией Приморского губернского выставочного бюро / Предисл. проф. А. Криштофовича. [Владивосток]: Д.-в. госкнига. С. 232–240.

Джарылгасинова Р. (1980). Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. С. 43–73.

Дубинина Н. И. (1997). Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество.

Ким Г. Н. (2022). Корейские поселения на русском и советском Дальнем Востоке (1864–1937). Алматы: Қазақ университеті.

Ким Сын Хва (1965). Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука.

Кириллов А. (1894). Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включениями некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск.

Коляда А. С., Коляда Н. А. (2012). Шелководческие исследования Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества // Животный и растительный мир Дальнего Востока. Вып. 16. Уссурийск: ДВФУ. С. 63–64.

Крестовский В. В. (1883). Посьет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник. Т. 157. № 2. С. 740–808.

Мизь Н. Г., Бреславец А. А. (2009). Корея — российское Приморье. Путь к взаимопониманию. Владивосток: ВГУЭС.

Надаров И. (1887). Южно-Уссурийский край и современное его состояние. Владивосток.

Нам С. Г. (1998). Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). М.: ИВ РАН.

Пак Б. Д. (1995). Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). М.–Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т.

Пак В. (2013). Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края. Владивосток: Валентин.

Петров А. (1929). Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. Кн. 1. С. 41–49.

Петров А. И. (2001). Корейская диаспора в России 1897–1917 гг. Владивосток: ДВО РАН.

Саблин И. Д. (2020). Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение. Серия Historia Rossica.

Старцев А. А., Шерешев А. В. (2006). Хроника трех поколений. Бестужевы. Старцевы. Владивосток.

Сон Ж. Г. (2013). Российские корейцы: всесилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М.: Гриф и К.

Тен Я. (1935). Корейцы Советского Союза // Революция и национальности. № 7. С. 44-48.
Федоров А. З. (1932). Непрерывная выкормка гусениц тутового шелкопряда в Дальневосточном крае. Л.: Изд-во АН СССР.
Фисенко С. М. (2014). Роль Александра Зиновьевича Федорова в изучении Южно-Уссурийского края (1907–1934 гг.) // Вестник ДВО РАН. № 3. С. 136–147.
Fields-Black Edda L. (2014). Deep Roots: Rice Farmers in West Africa and the African Diaspora. Indiana University Press.
Ho Ngoc Son, Dong Thi Linh Chi, Kingsbury A. (2019) Indigenous knowledge and climate change adaptation of ethnic minorities in the mountainous regions of Vietnam: A case study of the Yao people in Bac Kan Province // Agricultural Systems. № 176. P. 102683.
Kim S.-Y., Ha-Brookshire J. E. (2015). How did industrial products change a society? Historical evidence of imported cotton cloth in Korea, 1882–1910 // Clothing and Textiles Research Journal. Vol. 34. № 2. P. 109–126.
Mitsuhiko Kimura (2018). Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40 // Japan Review. Vol. 2 . № 2. P. 23–44.
Rochin Refugio I., Valdés Dennis N. (Eds.). (2000). Voices of a New Chicana on History. Michigan State University Press: East Lansing.
Pratt M. L. (1991). Arts of the contact zone // Profession. P. 33–40.

The failure of Korean sericulture in Russian and Soviet Primorye

German N. Kim, DSc (History), Professor, Head, Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University; Karasai Batyr St., 95, Almaty, 050060, Kazakhstan.
E-mail: gerkim@mail.ru

Abstract. In the 19th century, in the Russian Empire sericulture developed in Kuban, Northern Caucasus, Stavropol, Turkestan and Far Eastern Primorye. In Korea, neighboring the Russian Far East, sericulture was borrowed from ancient China: some Korean settlers were skilled in sericulture — from growing mulberry trees to producing silk fabric. Although the main economic activity of Korean peasants was agriculture, in Russia they continued some other traditional activities. With the establishment of the Bolshevik power, sericulture became a collective-farm production in the mainstream of agricultural collectivization. However, sericulture ceased to exist for the following objective reasons: climate in Primorye, remoteness from silk-spinning centers, lack of infrastructure for producing silk fabric and, most importantly, the Communist Party and Soviet government directives for the development of sericulture in southern regions and the deportation of Koreans to Kazakhstan and Central Asia in 1937. Nevertheless, the history of Korean sericulture in Primorye deserves special study. The article is based on archival documents, published materials, newspapers in Russian and Korean, and studies of the history of Koreans in the Russian Far East: localization of mulberry plantations; methods and economy of sericulture (production and trade) in the domestic and foreign markets; reasons for failure of sericulture in Soviet Primorye.

Key words: sericulture, Primorye, Koreans, artel, mulberry, silkworm, cocoons, silk weaving, export

References

Ali Zakir (1931) Za leninskuyu natsionalnuyu politiku v kolkhoznom dvizhenii sredi koreytsev DV [For Lenin's national policy in the collective farm movement among Koreans of the Far East]. *Revolyutsiya i Natsionalnosti,* no 2–3, pp. 76–81.

Anosov S. D. (1928) *Koreytsy v Ussuriyskom krae* [Koreans in the Ussuri Region], Khabarovsk; Vladivostok: Book Business Publ.

Bugay N. F. (2014) *Rossiyskie koreytsy: peremeny, prioritety, perspektivy* [Russian Koreans: Changes, Priorities, Prospects], Moscow: RAN Publ.

Dubinina N. I. (1997) *Priamursky general-gubernator N. L. Gondatti* [Amur Region Governor-General N. L. Gondatti], Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo Publ.

Dzharylgasinova R. (1980) Osnovnye tendentsii etnicheskih protsessov u koreytsev Sredney Azii i Kazakhstana [Main trends of ethnic processes among Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. *Etnicheskie protsessy u natsionalnyh grupp Sredney Azii i Kazakhstana,* Moscow: Nauka, pp. 43–73.

Fields-Black Edda L. (2014) *Deep Roots: Rice Farmers in West Africa and the African Diaspora,* Indiana University Press.

Fisenko S. M. (2014) Rol Aleksandra Zinovievicha Fedorova v izuchenii Yuzhno-Ussuriyskogo kraya (1907–1934 gg.) [The role of Alexander Zinovievich Fedorov in the study of the South Ussuri Region (1907–1934)]. *Vestnik DVO RAN,* no 3, pp. 136–147.

Fedorov A. Z. (1932) *Nepreryvnaya vykormka gusenits tutovogo shelkopryada v Dalnevostochnom krae* [Continuous Feeding of Silkworm Caterpillars in the Far Eastern Region], Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Gordeev T. P. (1923) Kratky ocherk shelkovodstva v s. Sinelovke Primorskoy gubernii [A brief outline of sericulture in the village of Sinelovka of the Primorsky Province]. *Primorye, ego priroda i khozyaystvo: Sb. st., sost. Nauchno-prosvetitelskoj sektsiej Primorskogo gubernskogo vystavochnogo byuro,* pp. 232–240.

Ho Ngoc Son, Dong Thi Linh Chi, Kingsbury A. (2019) Indigenous knowledge and climate change adaptation of ethnic minorities in the mountainous regions of Vietnam: A case study of the Yao people in Bac Kan Province. *Agricultural Systems,* no 176, p. 102683.

Kim G. N. (1922) *Koreyskye poseleniya na russkom i sovetskom Dalnem vostoke (1864–1937)* [Korean Settlements in the Russian and Soviet Far East (1864–1937)], Almaty: Kazak universitetí Publ.

Kim S.-Y., Ha-Brookshire J. E. (2015) How did industrial products change society? Historical evidence of imported cotton cloth in Korea, 1882–1910. *Clothing and Textiles Research Journal*, vol. 34, no 2, pp. 109–126.

Kim Syn Khva (1965) *Ocherki po istorii sovetskih koreytsev* [Essays on the History of Soviet Koreans], Alma-Ata: Nauka Publ.

Kirillov A. (1894) *Geograficheskо-statistichesky slovar Amurskoy i Primorskoy oblastey so vklyucheniyami nekotoryh punktov sopredelnyh s nimi stran* [Geographical-Statistical Dictionary of the Amur and Primorsky Regions with Some Areas of Neighboring Countries], Blagoveshchensk.

Kolyada A. S., Kolyada N. A. (2012) Shelkovodcheskie issledovaniya Yuzhno-Ussuriyskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Studies of sericulture of the South-Ussuri branch of the Russian Geographical Society]. *Zhivotny i Rastitelny Mir Dalnego Vostoka,* vol. 16l, pp. 63–64.

Lelyakov A. (1926) Budushchnost shelkovodstva v Primorye [The future of sericulture in Primorye]. *Sovetskoe Primorye*, no 7–8, pp. 46–47.

Mitsuhiko Kimura (2018) Colonial development of modern industry in Korea, 1910–1939/40. *Japan Review,* vol. 2, no 2, pp. 23–44.

Miz N. G., Breslavets A. A. (2009) *Koreysko-rossiyskoe Primorye. Put k vzaimoponimaniyu* [Korean Russian Primorye. A Path to Mutual Understanding], Vladivostok: VGUES Publ.

Nadarov I. (1887) *Yuzhno-Ussuriysky kray i sovremennoe ego sostoyanie* [The South Ussuri Region and Its Current State], Vladivostok.

Nam S. G. (1998) *Rossiyskie koreytsy: istoriya i kultura (1860–1925 gg.)* [Russian Koreans: History and Culture (1860–1925)], Moscow: IV RAN Publ.

Pak B. D. (1995) *Koreytsy v Sovetskoy Rossii (1917 — konets 30-h godov)* [Koreans in Soviet Russia (1917 — Late 1930s)], Moscow; Irkutsk: IGPI Publ.

Pak V. (2013) *Pervye koreyskie semyi Yuzhno-ussuriyskogo kraya* [First Korean Families of the South Ussuri Region], Vladivostok: Valentin Publ.

Petrov A. (1929) Koreytsy i ih znachenie v ekonomike Dalnevostochnogo kraya [Koreans and their importance in the economy of the Far Eastern Region]. *Severnaya Aziya,* vol. 1, pp. 41–49.

Petrov A. I. (2001) *Koreyskaya diaspora v Rossii 1897–1917 gg.* [Korean Diaspora in Russia in 1897–1917], Vladivostok: DVO RAN Publ.

Pratt M. L. (1991) Arts of the contact zone. *Profession*, pp. 33–40.

Rochin Refugio I., Valdés D. N. (Eds.) (2000) *Voices of a New Chicana on History*, Michigan State University Press.

Sablin I. D. (2020) *Dalnevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii* [Far Eastern Republic: From an Idea to Liquidation], Moscow: NLO Publ.

Son Zh.G. (2013) *Rossiyskie koreytsy: vsesilie vlasti i bespravie etnicheskoy obshchnosti. 1920–1930* [Russian Koreans: Omnipotence of Power and Disenfranchisement of the Ethnic Community. 1920–1930], Moscow: Grif i Co Publ.

Startsev A. A., Shereshov A. V. (2006) *Khronika treh pokoleniy. Bestuzhevy. Startsevy* [Chronicle of Three Generations. Bestuzhevs. Startsevs], Vladivostok.

Ten Ya (1935) Koreytsy Sovetskogo Soyuza [Koreans of the Soviet Union]. *Revolyutsiya i Natsionalnosti,* no 7, pp. 44–48.

Vislenev V. N. (1884) Koreytsy i inorodtsy Yuzhno-Ussuriyskogo kraya Primorskoy oblasti [Koreans and non-Koreans of the South Ussuri Region in the Primorsky Region]. *Sb. glavneyshih ofitsialnyh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibiryu*. Vol. IV: Inorodcheskoe naselenie Priamurskogo kraya. Part 2, Irkutsk.

Vypasov A. (1929) Koreytsy v selskom khozyaystve Khabarovskogo kraya [Koreans in agriculture of the Khabarovsk Region]. *Statobozrenie "Dalny Vostok",* no 2, pp. 37–41.